Яков
МИНЧЕНКОВ

Воспоминания о передвижниках

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

«Беггров был постоянно чем-то недоволен, постоянно у него слышалась сердитая нота в голосе. Он был моряк и, быть может, от морской службы унаследовал строгий тон и требовательность. В каком чине вышел в отставку, когда и где учился – не пришлось узнать от него точно. Искусство у него было как бы между прочим, хотя это не мешало ему быть постоянным поставщиком морских пейзажей, вернее – картин, изображавших корабли и эскадры…»

- Яков Данилович Минченков
  -
  - Примечания

Яков Данилович Минченков
Беггров Александр Карлович

Беггров был постоянно чем-то недоволен, постоянно у него слышалась сердитая нота в голосе. Он был моряк и, быть может, от морской службы унаследовал строгий тон и требовательность. В каком чине вышел в отставку, когда и где учился – не пришлось узнать от него точно. Искусство у него было как бы между прочим, хотя это не мешало ему быть постоянным поставщиком морских пейзажей, вернее – картин, изображавших корабли и эскадры.

Корабли он знал в совершенстве. Мачта, рея, парус, все детали паровых судов для него были привычными вещами. Критикуя каждую картину с судами, где были допущены малейшие неточности, ворчал: «Ну вот! Как этот парус поставили? Да разве так судно пойдет? Скажите, какой вздор!»

Он бойко справлялся с рисунком и акварелью, изображая городские виды, движение судов на реке, но все это носило иллюстративный характер, видна была условная умелость с трафаретной, заученной манерой письма, выработанной им за многие годы.

Жизнью современного искусства, как и делами Товарищества, он как будто совсем не интересовался. Его почти насильно подводили к картинам экспонентов при отборе для выставки. Обыкновенно он был в это время занят своими произведениями: ввинчивал кольца в рамы, завязывал веревки, протирал стекла на акварелях. У него все должно было иметь аккуратный, блестящий вид, как у вещей на корабле. Указывал на раму: «Смотрите, как сделана: двойной шип! А позолота? За стекло одно двенадцать

рублей заплатил! То-то же!»

Рабочие приносили его картины завернутыми в несколько покрывал и обвязанными морскими веревками так, как будто картины отправлялись в кругосветное путешествие. И даже тут Беггров сердился: «Опять? Сколько раз я им говорил, чтоб перевязывали крестом и перекручивали веревку. Вот дураки, не понимают, что так сползти все может!»

Он был коренаст, ходил твердо, как все моряки. Лицо всегда строгое, и, если иногда засмеется на секунду, то и тогда выражение лица не изменялось, как будто смех исходил от другого. Рабочие на выставке его боялись. Он всегда находил, за что их побранить: «Ну, вот, скажите: к чему все это? Ведь, небось, дорого стоит! Что? Я давал тебе на кольца двадцать копеек, и ты все истратил? Как! За пару колец, когда им гривенник цена?» Рабочий доставал гривенник и давал сдачу. Беггров жаловался: «Они просто грабят! Скажите – сюда гривенник, туда гривенник, и без сдачи! Жить нельзя!»

Он тратил на вещи иногда порядочную сумму, а сердился за перерасходованный пятачок.

Когда не мог отделаться от баллотировки картин экспонентов, то ругал их: «Ну вот еще! Чего там ставить? Видал: все чепуха или просто дрянь. Разве так солнце пишут? Вы скажите – оно светит? То-то же! Пуговица, а не солнце!»

– Ну а как же надо писать? – спрашивали его.

– А так, чтобы светило. Надо сперва белилами, а потом прозрачной лессировкой! А то намазал грязью и – скажите, пожалуйста, – солнце!

Ворчал и на товарищеских ужинах, устраиваемых после собраний:

– Кто эту ветчину покупал? В каком магазине? Где глаза были? Это что за консервы? Пожалуй, еще отравишься! А вот это бифштексом называется? Интендантская подошва! Ну конечно же!

На него мало кто из товарищей обращал внимание. Сердится Беггров – ну и пускай сердится. Ворчит – никому от этого ни тепло, ни холодно.

У него было много делового упрямства и настойчивости. Если что взбредет в голову – не остановится, пока не добьется своего как в мелочах, так и в более крупном.

Раз во время устройства выставки сидит и немилосердно колотит по какой-то железной штуке молотком. Мешает другим говорить и слушать.

Спрашивают:

– Что вы здесь делаете?

– А вы не видите? Костыль рублю, очень длинный, а надо

вбить покороче.

– Но ведь можно послать купить другой, и стоит он всего три копейки.

– Вот еще! Покупать новый и человека засылать! А я вот сам и даром отрублю!

– Да не отрубите!

– Отрублю. Что за глупости, подумаешь!

И пока не расплющил железо и отрубил конец – стучал до вечера.

Он жил в Гатчине. Облюбовал болотистый пустырь, купил его и начал устраивать свое хозяйство. Построил дом и во двор отовсюду свозил мусор, щепу, навоз. Завалил болото, удобрил почву и развел прекрасный ягодник: малину, крыжовник, смородину, клубнику. По величине и вкусу нигде кругом не было подобных ягод. Мало того: выписал необыкновенные штамбовые розы, уберег их от морозов или акклиматизировал, и жители Гатчины приходили любоваться цветами в саду Беггрова.

Выращивал в комнате и парниках самые ранние овощи, конкурировавшие с привозимыми с юга.

А когда все выражали удивление, Беггров говорил:

– Вот еще! Глупости! Я хочу виноград развести и дыни посадить. Что? Солнца не хватит? Скажите пожалуйста! С солнцем всякая баба на бахче вырастит, а дыню надо приучить и здесь вызревать!

Летом приглашал к себе товарищей и угощал их таким обедом, какой не изготовить и самому лучшему повару. Беггров сам заказывал и покупал провизию и, когда приезжали гости, предоставлял им заняться чем-либо в его отсутствие – рассматривать альбомы, картины, читать журналы, а сам отправлялся на кухню, надевал передник и принимался стряпать блюда, наполовину подготовленные раньше.

Он был великолепным кулинаром. Когда был накрыт стол, он приносил суп, открывал крышку супника и молча стоял, ожидая, что скажут гости.

Один аромат уснащенного различными кореньями и приправами супа заставлял гостей выразить свой восторг; тогда и Александр Карлович проявлял довольство:

– Ну, то-то же! А то подают, когда все уйдет на воздух. Момент аромата не более десяти минут! Прошу не опаздывать и есть так, чтобы оставалось у вас место для другого, над чем я не меньше старался. Прошу!

Гости едва воздерживались, чтобы не повторить порцию супа, хотя и знали, что их ожидают впереди еще большие чудеса кулинарного искусства. Беггров спрашивал:

– Вы отличаете в общем аромате сельдерей, а другого ничего не слышите? Нет? Так у вас нос отравлен табаком. Ну, конечно, так! Волков, ты говоришь – морковь? Вот вздор, морковью бабы борщ подкрашивают. Мещанство. Сперва отвар из птицы… да не с картофелем, говорят тебе… Что я, кашевар, что ли?

Приносилось под большим колпаком второе блюдо. Беггров, как фокусник на сеансе, объяснял:

– Не пугайтесь! Вы услышите едва заметный запах чеснока. Ну, конечно же, это молодой барашек, и здесь надо подразнить вас немного восточной приправой! Это историческая и необходимая приправа. Перестань, Волков, трясти бородой и не смейся! Молчи, когда не понимаешь! Берите зелень в достаточном количестве и непременно вот этот кисло-сладкий фруктовый порошок. Да, да!.. Непременно! Вот видите! То-то же! Прошу не объедаться, успеете!

После этого заставлял выпить немного холодного вина, чтобы приготовиться к следующему блюду, отбить вкус предыдущего.

– Рябчики! Прошу покорно! Обратите внимание: спинка розовая, поджаренная, а остальное только тушеное. Волков! Что ты… что ты? Огурцы? Сохрани бог! Сладкое, незаменимое северное варенье – вот что надо! Это охотники, что разную гниль едят на болотах, а потом свои вкусы нам наделяют. Вот вздор еще!

Ну и Лукулл! Впрочем, он превзошел Лукулла в чревоугодии. У того были крайние излишества и объедение, а у Беггрова еда доводилась до степени искусства без количественного излишества. Кулинарное искусство он приравнивал к другим искусствам, где не было идеи, а только погоня за внешним. Он говорил, что тешить глаз одними красками – все равно, что насыщать желудок вкусными блюдами. Зрение и чувство вкуса в этом случае равноценны.

Когда ему говорили о стоимости обедов, он отвечал:

– Вздор, можно затратить рубль – и будет вкусно и питательно, и за десять рублей можно только испортить желудок.

Побывавшие на его обеде проникались почтением к его кулинарному таланту, а возвратись домой, находили на своем столе однообразие, скуку, мещанскую еду, и от этого, наверное, доставалось хозяйкам.

После обеда Александр Карлович вел гостей в сад и угощал их необыкновенными ягодами, сорванными из-под листа.

У Беггрова на камине стояли часы под футляром, искусно составленными из различной формы, стеклянных кусочков, склеенных узенькой тесьмой.

– Разве в магазине сумеют так склеить? – недовольно ворчал

Беггров. – И чем будут клеить – столярным клеем или синдетиконом? Вот вздор! Все быстро расклеится! Это я сам клеил, и, будьте покойны, не распадется.

– Чем же вы клеили?

Тут он изложил целый сложный рецепт. Разваривал ржаной хлеб, процеживал его через густое полотно, варил с клеем и еще и еще чем-то. Пробовал много раз, медленно высушивал и добился того, что скорее можно разбить стекло, чем оторвать наклеенную на него ленту.

Еще развел он птичник. Были у него какие-то необыкновенные куры: держали себя необычайно опрятно и неслись в строго определенное время, выполняя с точностью свои обязанности. Злые языки уверяли, что у Беггрова куры несут яйца не в гнездах, а на особые фарфоровые чашечки, подставляемые в нужную минуту хозяином, и что будто бы он много раз менял петухов, пока не нашел вполне отвечающего своему назначению.

Беггров сердился:

– Вот вздор! Говорят еще, что и куры у меня несутся по два раза в день! Ведь это было бы излишество. Не более, не менее, чем полагается. А что одному петуху велел голову отрубить, так это правда. Представьте, десять часов вечера, еще никто и спать не ложился, а он ну горло драть! Казнил за нарушение общественной тишины. А то как же? Вот еще!

За санитарными условиями своего птичника он следил зорко и как только замечал, что курица начинает купаться в пыли или в золе, что являлось верным признаком появления у нее паразитов, сейчас же брал ее в карантин: сажал в особую клетку, купал и пересыпал порошком от насекомых.

И все, что он делал, не было взято из книг и каких-либо руководств, а придумано им самим и угадано чутьем изобретателя с проверкой на опыте.

Во всех мелочах проявлялся твердый, как кремень, характер Беггрова. И если упрется в чем-нибудь, даже в пустяке – ни за что его не сдвинешь. Никаких постановлений Правления и общего собрания не признавал, если они не согласовывались с его личными взглядами.

Беда была казначею Лемоху от его упрямства.

– Послушай, Александр Карлович, – говорил Лемох, – ведь положено на покрытие расходов удерживать пять процентов с продажи картин, а ты не признаешь этого.

А Беггров сердито:

– Вот еще! С какой стати? Это ты, Карл Викентьевич, придумал такую чепуху!

Лемох начинал обижаться:

– Позволь! Прежде всего, меня зовут не Карлом, а Кириллом Викентьевичем.

Но и с этим Беггров не соглашается:

– Скажите! Кирилл Викентьевич!!! Ты ведь Карл и останешься Карлом! Хотя тебя при дворе и окрестили Кириллом.

Лемох еще больше обижается:

– Извините, я для всех Кирилл!

– Глупости! Как был, так и остался Карлом!

– Я говорю – Кирилл!

– Начхать мне на твоего Кирилла! Ты Карл Викентьевич и больше ничего! Вот еще!

Расстроилась у Беггрова семейная жизнь: умерла его жена, и он не захотел больше вести свое хозяйство, продал дом и сад и очутился как бы не у дел.

В жизнь его вползла скука, безразличие к окружающему, что повело к упадку его душевных и физических сил. Он стал точно покрываться ржавчиной, опускался и не в силах был противостоять невзгодам и болезни.

От продажи дома он получил некоторую сумму; вместе с прежними запасами она давала ему возможность без нужды существовать, но жизнь без какой-либо деятельности была ему не в радость.

Искусство? Но если и раньше оно не заполняло его целиком, не было содержанием всей его жизни, то теперь он к нему совсем остыл и ничего не писал к выставкам. Даже сердился, когда его спрашивали, что он пишет:

– Ну вот вам! Для чего это нужно? Все равно никто не купит, а что ж я даром работать буду? Скажите, пожалуйста!

На чужие работы почти не смотрел, все ему не нравилось, казалось ненужным.

В Гатчине видел, как все еще приходят люди к бывшему его саду, любуются его розами и ягодами, и понял, что сделал ошибку: с домом и садом продал половину себя самого. Не к чему было теперь применять свою изобретательность и энергию.

Он злился на новых владельцев за их неумелое ведение хозяйства. При встрече с нами говорил о них, как всегда, обрывисто, резко:

– Дураки, не могли розы как следует укрыть, вымерзло больше половины. А малина – подите, полюбуйтесь – переродилась в лесную. Надо было обновить, говорил я им про это, так нет – не слушают. Как вам понравится?

Но время шло, и все так сложилось, что как будто и жить ему стало незачем больше. Он заболел и слег. Болезнь была какая-то тяжелая, он переносил сильнейшие боли, но не желая

поддаваться слабости, терпел упрямо, молча, не жалуясь на мучения.

И когда пришла к нему с косой последняя гостья и посоветовала: «Пора уже, пора, Беггров!» – он сердито ответил: «Что? Пора? Скажите, пожалуйста! Сам знаю, что и когда. Я сам себе хозяин, а не ты! Когда мне, а не тебе вздумается… Вот еще!»

Но боли стали невыносимыми; тогда Беггров зарядил пистолет и выстрелил себе в грудь.

Примечания

Беггров Александр Карлович (1841–1914) – живописец, работал преимущественно в области марины и городского пейзажа. Сын художника К. П. Беггрова. По окончании Инженерного и артиллерийского училища морского министерства участвовал морским офицером в кругосветном путешествии (1866–1868). Позже учился в петербургской Академии художеств и у художника А. П. Боголюбова в Париже. С 1899 г. – академик живописи. На передвижных выставках участвовал с 1874 по 1912 г. (с 1878 г. – член Товарищества). Участвовал также на выставках Общества русских акварелистов. Страдая тяжелой болезнью, покончил жизнь самоубийством.

Лукулл – древнеримский политический деятель и полководец, прославившийся огромным богатством, необычайной роскошью и пирами.